

Левин Наум Маркович

Мне приказал тянуть связь в роту

Я родился 18 сентября 1919 года в м. Любань Бобруйской области БССР в семье служащего. В 1920 году вся семья переехала в м. Уречье Слуцкого района БССР (Белоруссия). В 1937 году окончил среднюю школу и в этом же году поступил в Ленинградский политехнический институт имени Калинина.

Война застала меня далеко на востоке. 10 июня 1941 года мы, большая группа студентов Ленинградского политехнического института факультета промышленного транспорта, прибыли в город Сталинск (ныне Новокузнецк Кемеровской области) на производственную практику. Начали работать помощниками машинистов на паровозах. Гигантский Кузнецкий комбинат поразил нас своей мощью, размерами и технической оснащённостью. Достаточно сказать, что в железнодорожном цехе комбината было более пятидесяти паровозов. А через 12 дней началась война.

Утром 22 июня мы услышали по радио сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Потом было выступление В.М. Молотова, которое заканчивалось ставшими хорошо известными словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» И знаете, о чем шел яростный спор у нас, студентов, в первые

два дня войны? Мы спорили о том, сколько времени понадобится нашим войскам, чтобы разгромить фашистов и дойти до Берлина: целый год или хватит двух месяцев. Мы были молоды, наивны и достаточно глупы. Мы много тогда не знали о ГУЛАГе, об отходе от ленинских норм жизни.

Но мы знали другое. 30-е годы, когда я и мои сверстники начинали свою сознательную жизнь, были годами высоких свершений советского народа. При нас зажглись огни Днепрогэса, дали первые плавки Кузнецк и Магнитка, сошли с конвейеров Харьковского, Сталинградского и Челябинского заводов первые тракторы, появились на улицах первые советские автомашины, заговорили в домах и на площадях репродукторы радио, вместо лучины и керосиновых ламп в домах многих деревень и поселков зажглись электрические лампочки. Шла ликвидация неграмотности. В 1934 году были отменены карточки на хлеб, с каждым годом улучшалась жизнь народа.

Помню, как в 1929 году в наш поселок пришла первая батарея конной артиллерии. А через несколько лет в поселке и вокруг него расположились авиаполк и две дивизии: 4-я стрелковая имени Германского пролетариата (именно так!) и 4-я кавалерийская имени Ворошилова К.Е., бывшая когда-то ядром 1-й Конной Армии С.М. Буденного.

В 1933-37 г.г. 4-й Кавдивизией командовал Г.К. Жуков. Мы его наверняка видели множество раз, но кто тогда знал, что это будущий прославленный полководец. У нас на глазах менялся облик армии и её оснащение. Появились в больших количествах танки, на смену «небесным тихоходам» пришли стремительные «чайки» и «ястребки».

Мы с восхищением следили, как во время маневров в 1936 году выбрасывались тысячные парашютные десанты. Видели великолепную выправку наших пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов, летчиков. Вот откуда была та уверенность в нашей быстрой победе.

Но вот прошли 2-3 дня после начала войны. Появились первые сводки Совинформбюро. И, вместо ожидаемых сражений за Варшаву и Кенигсберг, мы с недоумением и болью слушали и читали о боях на Рижском, Барановичском, Минском, Львовском и Киевском направлениях! Но вот пал

Минск, Витебск, вся Прибалтика. Фронт катился к Ленинграду.

Было вдвойне горько от того, что очень скоро, на 6-й день войны, фашисты были в моих родных краях, где оставались мать, отец, четырнадцатилетний братишка, множество родных и друзей. Только через четыре года я узнал об их страшной судьбе: 6 мая 1942 года их, голодных, измученных, раздетых расстреляли фашисты.

В начале августа мы по вызову института выехали в Ленинград. Откровенно говоря, это был не очень умный поступок. Начальник транспортного цеха комбината, выпускник нашего института, нас долго уговаривал остаться и предупреждал о грозивших нам опасностях. Но мы были непреклонными, да и не верилось, что с Ленинградом может что-нибудь случиться.

Я приехал в Ленинград семнадцатилетним юношей. И этот город буквально ослепил и покорила меня своим великолепием и красотой. Покорил на всю жизнь. Его дворцы, проспекты, архитектурные ансамбли, площади, сады, парки, памятники, набережные, даже чугунные ограды и уличные фонари - все эти бессмертные творения великих зодчих произвели неизгладимое впечатление, буквально ошеломили меня, как, впрочем, и всех, кому довелось ими любоваться. В Ленинграде я получил счастливую возможность побывать в великолепных музеях и любоваться великими творениями мирового искусства, в знаменитых театрах и наслаждаться искусством таких великих мастеров сцены, как Уланова, Чабукиани, Дудинская, Сергеев, Черкасов, Симонов, Корчагина-Александровская, Янет, Горин-Горяинов, Преображенская, Печковский и многих других. Я любил посещать публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, слушать лекции на самые разные темы в прекрасной лектории на Литейном проспекте. И с каждым годом росла и крепла моя любовь к великому городу, которую я сохранил на всю жизнь.

Обратный путь в Ленинград был трудным и занял две недели. Навстречу шел бесконечный поток военных эшелонов. На восток шли эшелоны с беженцами, эвакуированными заводами, ранеными.

В Ленинград мы попали чуть ли не последним эшелоном. В деканате института даже удивились нашему

приезду и немедленно отправили нашу группу «на окопы» - на Карельский перешеек. В начале сентября немцы прорвались к южным берегам Ладожского озера и Финского залива, и Ленинград оказался в полном окружении, отрезанным от всей страны. 7 сентября мы вернулись в город, а на следующий день, 8 сентября, фашистская авиация вечером впервые произвела массированный налет на город, а затем повторила его ночью.

Ожесточенные бомбежки города, приносившие огромные разрушения, продолжались каждую ночь, а часто и днем, что продолжалось весь сентябрь и почти до половины октября. А 4 сентября 1941 года было началом еще одного очень страшного бедствия: на улицах Ленинграда начали разрываться первые артиллерийские снаряды. С этого дня фашистские варвары непрерывно обстреливали город. С чисто немецкой педантичностью почти каждую минуту 900 дней и ночей подряд, до 27 января 1944 года, в разных районах города раздавались взрывы артиллерийских снарядов. Для всех ленинградцев началась новая жизнь в городе, который стал по-настоящему фронтовым.

Днем мы работали на строительстве оборонных сооружений прямо в городе, а по ночам поочередно дежурили на чердаках домов. Обязанностью дежурных было обезвреживание зажигательных бомб: пробившую крышу и упавшую на чердак «зажигалку» надо было, пока она не разгорелась, засыпать песком, либо выбросить на мостовую.

Довелось и мне дежурить на чердаках корпусов нашего студенческого городка Политехнического института на Лесном проспекте. Стоял необыкновенно теплый сентябрь. Город ночью с высоты пятиэтажного дома представлял собой феерическое зрелище: в небе гудели самолеты, по нему рыскали лучи прожекторов, в городе рвались бомбы, гремели зенитки, вспыхивали пожары, как град сыпались осколки зенитных снарядов. Было фантастически красиво и очень страшно. Надо сказать, что ни одной «зажигалки» на мою долю не досталось, но эти дежурства врезались в мою память навсегда.

Как-то в конце сентября мы небольшой группой отправились в военкомат Выборгского района выяснять, почему нас не призывают в армию. Встретили нас приветливо,

но объяснили, что студенты старших курсов по постановлению Совета Народных Комиссаров и Государственного Комитета Оборона призыву не подлежат, наша задача – продолжать учебу, ну а если понадобится – нас призовут. Вряд ли такое решение было разумным, так как ни о какой учебе и речи быть не могло. В декабре двое из нашей группы умерли от голода.

Между тем положение жителей Ленинграда начало стремительно ухудшаться. На смену теплой осени пришла редкая для Ленинграда очень суровая зима с тридцатиградусными морозами и снежными заносами. Из-за отсутствия топлива остановились все котельные, большинство заводов, почти все электростанции, встал весь городской транспорт. Замерз водопровод, не работала канализация, на лестницах домов образовались груды льда. Для освещения стали применять разного рода коптилки, в квартирах устанавливали «буржуйки», жгли мебель, книги. Чтобы добыть кастрюлю воды, многим приходилось идти за полтора – два километра. И ко всем этим невыносимым бедствиям добавились страшные муки голода.

Пять раз, начиная со 2-го сентября и до 2-го ноября 1941 года, сокращались нормы выдачи продовольствия населению Ленинграда. В июле-августе рабочие получали по карточкам 800 граммов хлеба в день, служащие и все остальные – 600 граммов хлеба. Кроме того, выдавались на месяц по 2200 граммов мяса, два килограмма крупы, полтора килограмма сахара. Работали коммерческие рестораны и столовые.

После 20-го ноября рабочие стали получать по 250 граммов хлеба, все остальные – по 125 граммов, и более почти никаких продуктов. Получишь, бывало, один раз в день маленькую тарелочку неизвестно из чего сваренной похлебки, где изредка можно было обнаружить какую-нибудь крупинку, и маленький кусочек чернющего, неизвестно из чего испеченного хлеба, глядишь на него и плакать хочется – на один раз проглотить нечего, а на этом довольствии надо сутки жить.

В начале октября мы начали строить ДОТы и ДЗОТы прямо на территории нашего института и соседнего совхоза «Лесное» на северной окраине города. Работали бригадами по десять человек. На территории института в 1940 году было

начато строительство высоковольтной лаборатории для академика А.Ф. Иоффе. На этой стройплощадке мы обнаружили маленький прорабский домик, оборудовали в одной комнате нары, в другой – небольшую кухоньку-кладовку, перенесли туда из студгородка свои нехитрые пожитки и стали жить в этом домике. Это, наверно, нас и спасло от гибели, так как если мы, как и все, хоть и голодали, но не страдали от холода.

В домике была чугунная печка-«буржуйка», и у нас она топилась почти непрерывно. Рядом находился склад с дубовым паркетом и просмоленными сосновыми шестигранными шашками, которыми вымачивали некоторые дворы и площади, и мы их почти все сожгли за зиму. Воду же добывали, растапливая снег. Так вот и жили.

27 января 1994 года, в 50-ю годовщину освобождения Ленинграда от блокады – по Центральному телевидению была показана картина «Оборона Ленинграда». Авторы картины заявляют, что Ленинград попал в блокаду только потому, что Сталин не любил этот город, что главной заботой наших генералов было как можно больше истребить своих солдат. Бои за Ленинград изображают как сплошное триумфальное шествие фашистских войск и беспорядочное, паническое бегство частей Красной Армии, постоянно подчеркивается мастерство и умение фашистских вояк и бездарность наших воинов. И все это иллюстрируется многочисленными кадрами геббельсовской кинохроники. Тогда непонятно, почему немецкие армии, пройдя более тысячи километров от границы до стен Ленинграда, так и не сумели одолеть последние три километра и взять город и были, в конце концов, разгромлены под стенами Ленинграда. Не нашлось добрых слов у авторов картины и для того, чтобы показать стойкость и мужество ленинградцев.

Да, мы голодали. Чтобы заглушить ужасные страдания от постоянного чувства голода, жители проявляли чудеса кулинарной изобретательности: разыскивали плитки столярного клея и варили из них и кожаных ремней студень, сдирали обои и вываривали из них клейстер, мастерили силки и охотились за грачами и воронами.

К декабрю 1941 года в городе не осталось ни одной кошки, ни одной собаки – их попросту съели. Но расчеты

гитлеровцев на то, что под влиянием голода люди потеряют человеческий облик, превратятся в зверей, истребляющих друг друга, что в городе возникнет хаос, не оправдались. Голодало более двух с половиной миллионов человек, но в городе сохранялся безупречный порядок. Более того, при таких совершенно невероятных испытаниях – страшном голоде, жизни без воды, света и тепла, при постоянных обстрелах воля ленинградцев не была сломлена. Никакими мерками нельзя измерить страдания ленинградцев, неисчислимы их жертвы. Но каждый из них, даже самый больной и слабый, старался сделать хотя бы что-нибудь, чтобы внести свой, пусть маленький, но вклад в дело защиты города.

В ноябре нашей бригаде поручили затесывать кольца для проволочных ограждений. Профессионалу-плотнику, чтобы затесать с одного конца двухметровый сосновый кол, требуется полторы-две минуты; таким, как мы, редко державшим в руках топор в обычных условиях – до десяти минут. Нам же установили норму – десять колец за шесть часов работы. И с этой детской нормой мы еле справлялись – не было сил поднять топор. Сделаешь два-три взмаха и садишься на пятнадцать-двадцать минут отдыхать, а бывало, и в обморок падали.

Жатва голода была ужасной. Смерть наступала людей повсюду: на улице человек вдруг падал и больше не поднимался; в квартире ложился спать и не вставал; падал у станка на заводе, на лестничной клетке и т.д. По улицам вереницей шли люди, тащили саночки с покойниками. Хоронили без гробов: чаще всего, выбившись из сил, бросали покойников на полпути.

Работники коммунального хозяйства объезжали улицы, подбирали покойников и увозили на кладбища, где команды МПВО взрывали землю и опускали десятки и сотни трупов в могилы, часто не зная имен погребенных.

Только на одном Пискаревском кладбище похоронено более шестисот тысяч погибших в блокаду людей – население большого города.

Единственной ниточкой, связывающей Ленинград со всей страной, была дорога через южный залив Ладожского озера шириной тридцать два – тридцать четыре километра. К середине декабря Ладожское озеро, наконец, замерзло, лед

окреп и по ледовой дороге, получившей название «дорога жизни», двинулись в Ленинград бесконечные колонны машин с боеприпасами, продовольствием и всем необходимым.

Никто из блокадников никогда не забудет день 25 декабря 1942 года. Утром, как обычно, мы отправились в булочную и с удивлением увидели, что приветливая продавщица отрезает по карточкам ИТР по 350 граммов хлеба вместо 250, а всем остальным – по 200 граммов вместо 125, и надо было видеть радостные улыбки, которые впервые появились на изможденных лицах голодных людей! Не ахти какая прибавка, но люди обнимали и поздравляли друг друга. К ним возвратилась вера и надежда на лучшие времена, а это было дороже хлеба.

После ленинградской блокады я многие годы никак не мог избавиться от мучительного страха перед голодом. Я панически боялся опоздать на обед или остаться без ужина и ничего не мог с собой поделаться. Только где-то к концу 50-х годов этот страх, наконец, пропал.

Остается добавить, что, когда нас взвесили перед эвакуацией, мой вес был 46 килограммов.

С началом функционирования ледовой дороги началась и эвакуация «лишнего» населения из Ленинграда. В конце февраля 1942 года дошла очередь и до нас. Я не буду описывать трудный для истощенных людей путь к Финляндскому вокзалу, далее по железной дороге к Ладожскому озеру, и ночной переезд на открытой машине в тридцатиградусный мороз через Ладогу. Наконец был сформирован большой состав из специально оборудованных товарных теплушек, который был заполнен студентами, профессорами и преподавателями Ленинградских вузов. И мы отправились в утомительное полуторамесячное путешествие. Никто не знал, куда нас везут.

В начале апреля 1942 года мы прибыли в Пятигорск. Остановлюсь только на одном очень печальном для меня эпизоде пути. Во второй половине марта (точное число не помню) наш эшелон прибыл в Сталинград. И большинство попутчиков разбрелись кто куда, так как на больших станциях мы всегда подолгу стояли. В вагон зашла какая-то комиссия: майор медицинской службы, мужчина и женщина в гражданской одежде – все в белых халатах. Они осмотрели

нехитрое оборудование теплушки, нары, поговорили с нами, записали какие-то замечания, после чего женщина отсчитала и отдала старосте вагона пачку бумажных листков по числу пассажиров; на каждом листке простым карандашом столбиком было написано: «1 булка, 1 рис, 1 какао» и стояла какая-то замысловатая подпись. Нам объяснили, что каждый может пойти в продпункт станции и получить по этим запискам указанные в них продукты.

Мы с товарищем уже собрались идти, как вдруг нас «осенило»: а нельзя ли приписать впереди по двойке, и отправились искать продпункт. У дежуривших там девушек в военной форме без знаков отличий не возникло никаких сомнений, и они тут же выдали каждому по 21 сдобной булочке, 21 пакету с отварным рисом, 21 маленькому быстрорастворимому какао. С таким сказочным по тому времени богатством возвратились мы в свой вагон.

До этого я был осторожным. Но здесь не выдержал. Не помню, сколько булочек и пакетиков с рисом съел, сколько кружек какао выпил. Кончилось это очень плачевно: высокая температура, жесточайший понос, частая потеря сознания. Хорошо, что эшелон дальше шел быстро, на больших станциях не останавливался, и меня нигде не высадили. По-настоящему очнулся я на койке в 1-й городской Пятигорской больнице у подножья горы Машук, и не помнил, как туда попал. Только через месяц, в начале мая, я полностью пришел в себя. Таков был окончательный финал моей ленинградской эпопеи.

А через три недели, в конце мая, после окончания краткосрочных (двухнедельных) курсов я уже работал трактористом в одной из бригад совхоза № 21 «Большевицкая искра» Бурлацкого района Ставропольского края, вблизи станицы Сотниковской. Рядом работала полевая бригада, составленная из студентов Ленинградских институтов: электротехнического и 2-го медицинского.

К 1 сентября 1942 года мы должны были возвратиться в Пятигорск и оттуда выехать в Тифлис для продолжения занятий в институтах. Увы, этим планам не суждено было осуществиться. Обо всем этом, быть может, не стоило бы писать, если бы это не было связано с первой встречей с

немцами еще до того, как я попал в 369-й запасной стрелковый полк.

Трактористом, естественно, я первое время был никаким и не стал бы им, если бы не по-настоящему дружественная и братская помощь всей бригады, состоявшей полностью из запорожских трактористов, эвакуированных в 1941 году из Украины в Ставрополье.

В июле началась уборочная компания. Хотя я родился и вырос в сельской местности, но никогда раньше не видел таких огромных полей пшеницы. Сцепом из двух колесных тракторов ХЗТ мы с напарником тащили комбайн «Сталинец» (самоходных комбайнов тогда не было) и за день успевали сделать всего шесть кругов. Работали по-настоящему самоотверженно полный световой день, а по ночам готовили машины к следующему дню.

Увы, завершить уборку не довелось. Буквально через несколько дней после ее начала огромная тракторная колонна совхоза своим ходом направилась на восток к Каспийскому морю: началось летнее наступление немцев на Северный Кавказ и к Волге – к Сталинграду. Поэтому совхоз эвакуировался.

Трудно описать и представить себе ставропольские степи июля 1942 года. Это был какой-то гигантский цыганский табор. Шли на восток транспортные колонны, скакали огромные табуны лошадей, гнали стада коров, огромные отары овец, на повозках и тачанках, в прицепных вагончиках везли людей, домашний скarb, продукты и даже поросят. Грохот, шум, жара, тучи пыли.

Вскоре плодородные земли и обжитые места сменились бескрайней и безводной пустыней северо-восточного Ставрополья, которую оживляли только редкие, разбросанные на расстоянии тридцати-сорока километров один от другого, артезианские колодцы.

Так мы и двигались от колодца к колодцу, пока не достигли района совхоза Бакрес, почти на границе с Дагестаном. Не успели мы расположиться на отдых, как на горизонте появилась туча пыли и быстро стала приближаться механизированная колонна: две грузовые машины с солдатами и около пятидесяти тяжелых мотоциклов, большинство с колясками.

Мы думали, что это какие-то наши солдаты, а оказалось – немцы. Не обращая на нас никакого внимания, немецкие солдаты разделись по пояс, побросали на машины одежду и автоматы, выставили двух часовых и бросились к колодцу умываться. Это были молодые, здоровые парни. Весело гогоча, они обливали друг друга и плескались в воде. Мы же собрались толпой у небольшого домика рядом с колодцем и молча наблюдали за ними.

Через некоторое время из домика вышел мужчина в гражданской одежде, смуглый, с черной бородкой, похожий на цыгана или кавказца, и обратился к нам на чистейшем русском языке. Смысл его речи сводился к следующему: Красная Армия окончательно разбита, доблестные солдаты фюрера вышли к Волге и скоро будут за Уралом, войне скоро конец. Немецкое командование приказывает всем вернуться назад, ехать домой и работать – надо убирать хлеб. Кто будет добросовестно работать – может жить спокойно, никаких репрессий не будет. За неподчинение командованию кара одна – расстрел.

Подавленные и притихшие, слушали мы эту речь. У нас не было газет, радио, мы ничего не знали о положении на фронтах, но появление немецкой мехколонны в таком далеком тылу говорило само за себя и нас просто ошеломило.

Вскоре немцы завели свои машины и мотоциклы и уехали неизвестно куда. Мы же не знали, что предпринять, и решив, что утро вечера мудренее, улеглись отдыхать.

Утром же выяснилось, что возглавлявшие нашу колонну директор совхоза и начальник политотдела (женщина, одетая всегда в военную форму) ночью удрали на своей тачанке. Мы оказались предоставленными самим себе. Начался несусветный галдеж и импровизированный буйный митинг, который длился несколько дней. Наконец было принято «соломоново» решение: каждый волен поступить, как ему вздумается, никто никому препятствовать не должен.

Настроение у меня было убийственное, так как о возвращении назад, на оккупированную теперь территорию, я и думать не мог. Но как выбраться из этой безлюдной степи и куда податься - тоже не знал. На

счастье, агроном совхоза, фамилию которого я, к сожалению, забыл, обходил весь наш «табор» и уговаривал трактористов двигаться дальше на восток. Он заверил, что хорошо знает эти места, так как воевал здесь в гражданскую войну в отряде знаменитого Кочубея, и взялся вывести нас к Каспийскому морю.

Через день наша небольшая группа из десяти трактористов, а всего около тридцати человек, двинулась вперед на восток, все остальные, более шестидесяти машин, повернули назад. Нашу группу возглавил главный механик совхоза Антон Головач, это был механик от бога, опытный, прекрасно знавший технику, и мастер на все руки. Путь предстоял еще довольно долгий, но уже в сентябре мы, наконец, прибыли в город Кизляр,

Ровно год, без особых приключений, проработал я трактористом в одной из бригад Кизлярской МТС. Поражала невероятная смесь народностей Дагестана. Кого только мы не встречали на шумном рынке в Кизляре - кумыки, аварцы, тавлины, лезгины - представители более тридцати народностей, о существовании которых я ранее и не подозревал. И все жили и сейчас живут там мирно и дружно.

В сентябре 1943 года Кизлярским райвоенкоматом я был призван в армию. Начался новый, армейский, этап моей жизни. Я попал в 369-й запасной стрелковый полк 2-го Украинского фронта, который располагался вначале в станице Солдатской, а затем нас эшелонами перевезли в город Новочеркасск, где мы расположились в Соцгородке Новочеркасского электровозостроительного завода. Пестрым был состав полка: необстрелянные новички и возвратившиеся в строй после ранений бывалые фронтовики разных возрастов.

Премудрости боевой подготовки для меня не составляли особых затруднений. Этим я обязан школе и институту. Люди моего поколения помнят, какое большое внимание до войны уделялось в школах и институтах военно-патриотической и физической подготовке, как прекрасно работали такие общественные организации, как Осоавиахим (Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству) - впоследствии ДОСААФ.

Поэтому задолго до армии мы умели разбирать и собирать винтовку, стрелять, метать гранату, обращаться с противогазом, знали основы тактики для стрелкового отделения и взвода, сдавали нормы на значки «ГТО», «Ворошиловский стрелок», «ГСО», занимались строевой подготовкой. Ну, а изучить такое новое, грозное, но простое по конструкции оружие, как автомат ППШ, не составляло труда.

Трудным был быт в запасном полку. Нам самим пришлось устраивать свое жилье - стеклить окна, навешивать двери, делать нары и т.д. Одеты мы были в стиранное и перестиранное обмундирование, так называемое, б/у третьей категории. Далеко не достаточным было питание, праздником для нас было попасть в наряд на кухню.

Служба в запасном полку оказалась непродолжительной. Через три месяца нас одели в новенькое добротное обмундирование и с маршевой ротой отправили на фронт. И вот мы - на фронте, где-то на западе Полтавской области, в расположении 202-й стрелковой дивизии 27-й армии 2-го Украинского фронта.

Не знаю, по какому принципу нас распределяли по полкам и частям дивизии, но я и мой товарищ по запасному полку - узбек Примкулов - оказались почему-то в трофейной команде дивизии. Команда небольшая, что-то вроде взвода, командир - капитан, а непосредственно распоряжался нами какой-то старшина. Никаких трофеев мы не видели и ими не занимались, были самыми настоящими чернорабочими - постоянно грузили и перегружали боеприпасы, оружие, обмундирование, продукты и так далее. Несли и караульную службу. Такая служба меня мало устраивала.

Не знаю, что случилось - то ли нашу команду расформировали, то ли на передовой не хватало бойцов, но вскоре и я, и Примкулов стали солдатами 3-й стрелковой роты 1-го батальона 645-го стрелкового Краснознаменного полка 202-й стрелковой дивизии. Наш полк, как мы позже узнали, был награжден орденом Красного Знамени еще в 1941 году на Северо-Западном фронте.

Сейчас, через шестьдесят пять лет, трудно последовательно описать фронтовую жизнь. Остались довольно сумбурные воспоминания о тех или иных врезавшихся в память событиях. Что же запомнилось?

Шел 1944 год. У самоуверенного и наглого фашистского воинства образца 1941-1942 годов поубавилось спеси. Немецкие солдаты уже научились поднимать руки вверх и кричать «Гитлер - капут». 18-го февраля закончились бои по ликвидации окруженной в районе г. Корсунь-Шевченковский Черкасской области группировки из шестнадцати немецких дивизий. Только на участке нашей дивизии было взято в плен более десяти тысяч фашистских солдат и офицеров, а дивизии было присвоено название «Корсуньская».

Не могу не сказать о следующем. Довольно широко, хотя и далеко не так, как следует, отмечалось в январе 1994 года 50-летие снятия блокады Ленинграда, и в июле 1993 года 50-летие завершения знаменитой битвы на Курской дуге. А вот 50-летие Корсунь-Шевченковского сражения, которое в свое время называли «вторым Сталинградом» и которое золотой страницей вошло в героическую летопись Великой Отечественной войны, в России не отмечалось никак - ни на правительственном уровне, ни в газетах, ни нашим радио и телевидением. Почему? Неужели потому, что оно проходило на территории Украины?

В феврале и марте 1944 года погода на Украине была, что называется, мерзопакостной. Снежные метели сменялись холодными дождями, кругом была непролазная грязь, то и дело встречались застрявшие повозки, автомашины, даже танки. Нам, солдатам матушки-пехоты, было невероятно тяжело в мокрых ботинках с обмотками, промокших шинелях, с полной выкладкой (автоматом, вещмешком, дисками с патронами, лопаткой) топтать по разбухшим дорогам, полям, оврагам в любую погоду, быть почти всегда, днем и ночью, под открытым небом. Для каждого солдата на передовой война - это не только стрельба, атаки, бои, но, прежде всего каторжный труд. Одной земли сколько было перекопано. Недаром говорили, что каждый пехотинец перекапывал земли больше, чем гусеничный трактор за сезон своей работы.

Невозможно забыть, как выглядела вся Украина: взорванные города, мосты, железнодорожные станции, сожженные деревни, торчавшие, как жуткие памятники, печные трубы, оборванные и голодные люди, дети с глазами взрослых, не умеющие смеяться - страшная картина хозяйничания фашистских оккупантов.

Невозможно забыть, с какой радостью и ликованием встречали своих освободителей местные жители.

После выхода на государственную границу, форсирования рек Днестр и Прут, ожесточенных майских боев фронт на нашем участке стабилизировался. Дивизия в начале июня заняла оборону уже в Румынии южнее города Ботошани. Мы основательно окопались, вырыли окопы и траншеи во весь рост, ходы сообщения. Напротив наших позиций на расстоянии около километра маячила господствовавшая над местностью сопка, или так называемая высота 192, на которой укрепились румыны. Какое-то странное ощущение испытываешь, стоя в траншее: оборона была довольно редкой, до соседей слева и справа метров тридцать-сорок, впереди за широкой ложиной вражеские позиции, а позади - вся огромная страна.

Как-то в одно прекрасное солнечное июньское утро в траншее появился командир роты старший лейтенант Чернов в сопровождении незнакомого лейтенанта, который оказался командиром взвода связи батальона Старобинским. Командир роты сказал, что меня переводят во взвод связи. И мы с лейтенантом ушли на КП батальона.

Поистине судьба играет человеком! Я мог стать кем угодно, но мне даже и не снилось, что стану связистом. Нашей задачей было обеспечить бесперебойную связь командира батальона и его штаба со всеми ротами - тремя стрелковыми, пулеметной и минометной. Вызывать кого-нибудь звуковым сигналом (зуммером) запрещалось, надо было постоянно сидеть у телефонного аппарата с трубкой у уха и немедленно откликаться на любой вызов. Очень утомительное занятие! Дежурили мы вдвоем с напарником, сержантом Новиком, с которым очень подружились, иногда нас подменял еще связист Мишарин. Вместе с нами в землянке находились постоянно и дежурили у другого

аппарата связисты полковой роты связи Новиков и Нехта, которые поддерживали связь батальона со штабом полка.

В отличие от других родов войск, техника у связистов была далеко не самой современной, особенно в стрелковых частях. Рации, например, у нас появились только к концу войны, и были они громоздкими и тяжелыми. Особенным анахронизмом выглядела проводная связь на передовой - из батальона в роты. В бою, особенно при наступлении, она действовала плохо, поддерживать ее стоило больших жертв. Нас, связистов, особенно батальонных, не очень-то жаловали. Гораздо чаще благодарностей и наград в наш адрес раздавались выражения, заимствованные далеко не из лексикона изящной словесности. А ведь нам было трудно, очень трудно Мы прокладывали линии связи и носились по ним, невзирая ни на что. Сколько раз бывали такие обстрелы, при которых другие солдаты и офицеры и носа не высовывали из окопов и укрытий. А мы носились, без конца бегали по линиям связи, устраняя их повреждения, которых в каждом бою было не счесть! Да и катушки с кабелем и телефонные аппараты, которые приходилось таскать на себе сверх прочей солдатской амуниции, не были подарком.

Более двух месяцев провели мы в довольно пассивной обороне. В середине августа наши боевые порядки стали уплотняться, прибывали из резерва и с других фронтов все новые части. Тесно стало и непосредственно за боевыми порядками наших стрелковых рот: одна за другой прибывали и занимали боевые позиции батареи артиллерии разных калибров. И, наконец, появились «Катюши». А это было верным признаком назревающих серьезных событий.

На рассвете 20-го августа нам зачитали обращение Военного Совета 2-го Украинского фронта о переходе в решительное наступление.

В 5 часов утра раздался оглушительный залп «Катюш», а затем мы услышали грохот артиллерийской канонады. В небе появились наши бомбардировщики и штурмовики, которые, волна за волной, бомбили позиции румын. Вражескую оборону заволочило густое облако дыма и пыли. Грохот стоял такой, что в окопах невозможно было разговаривать, объяснялись, как немые, знаками.

Никогда - ни до, ни после этого, я не видел такой мощной артподготовки, которая продолжалась почти полтора часа. Вражеская оборона была буквально сметена. Когда мы поднялись в атаку и почти беспрепятственно добежали до румынских траншей, то увидели развороченные ДОТы и ДЗОТы, перепаханные траншеи и окопы, немного уцелевших и обалдевших вражеских солдат, и все же потери в этот день были.

Первыми ворвались на маячившую все лето перед глазами высоту 192 солдаты третьей, бывшей моей, роты нашего батальона во главе с ее командиром старшим лейтенантом Черновым. Немцы и румыны в течение дня несколько раз пытались контратаковать и отбить высоту. Во время отражения одной из контратак пулеметной очередью наш ротный был убит. Потом мы узнали, что посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Подорвался на mine и один из наших связистов.

Во второй половине дня в прорыв, мимо нас устремились колонны танков 6-й гвардейской танковой армии. Нельзя было не залюбоваться их могучей поступью. И вообще, сражение 20 августа 1944 года, знаменитая Яско-Кишиневская операция, вызвало в наших войсках большое воодушевление. Мы своими глазами увидели, какой несокрушимой мощью обладала наша Советская армия.

После 20-го августа Румынская армия разбежалась по домам. Гитлер лишился одного из своих главных союзников. Более того, четыре румынские дивизии стали вместе с нами воевать против гитлеровцев. Части одной из них частенько становились нашими соседями.

Для нас начался знаменитый поход войск 2-го Украинского фронта маршала Р.Я. Малиновского по Румынии. Шли чуть ли не круглые сутки. Поднимались в пять часов утра и шли целый день с двухчасовым дневным привалом на обед и с небольшими промежуточными привалами до десяти-двенадцати часов ночи. Уставшие до предела, валялись, как мертвые, прямо на землю, а в пять часов утра снова двигались вперед.

Наш поход начался 21-го августа на севере Румынии, севернее города Яссы, а через неделю, 28-го августа, мы

уже были далеко на юге страны - в городе Буззу. Совершив тяжелейший переход через Карпатские горы, мы 30-го августа оказались по другую сторону Карпат в городе Кимпина, в промышленном и нефтеносном районе Плоешти. За этот поход и овладение городом Плоешти 202-я дивизия была награждена орденом Кутузова 2-й степени, а нашему 645-му стрелковому полку присвоено звание Рымникский.

Нельзя не вспомнить добрым словом нашего командира батальона старшего лейтенанта Данилочкина, который в тяжелейшем походе был всегда с нами, шел пешком во главе батальона, а в боях проявил себя как храбрый офицер.

Новые ожесточённые бои начались уже в Трансильвании, в районе города Турда. Никогда не забуду день 3 октября, когда мы вели бои за три румынские деревни: Петрешти-де-Сус, Петрешти-де-Жос, Петрешти-де-Мижлок (Верхнее, Нижнее и Среднее Петрешти). В боях за эти проклятые Петрешти вышел из строя почти весь наш взвод связи. При минометных обстрелах погибли мои боевые друзья - связисты Собко, Лужанский и Коляда, многих ранило.

Связь с головной 1-й ротой наладить не удавалось. Комбат, что называется, «рвал и метал». Тогда наш командир взвода сам залег за телефонный аппарат, а мне приказал тянуть связь в роту. До расположения роты было около четырехсот метров, я их быстро пробежал, протянул провод, установил телефонный аппарат и, только командир роты успел переговорить с комбатом, как начался новый артналет. Командир роты осколком снаряда был убит наповал. Меня ранило в голову и правую руку, а плащ-палатка на мне была буквально изрешечена осколками снаряда. Отделался я легко - десятидневным пребыванием в санроте полка.

В конце октября мы уже были на территории Венгрии. Таким образом, для того, чтобы пройти всю Румынию с севера на юг и с юга на северо-запад, нам понадобилось два месяца. В маленькой же Венгрии ожесточенные бои шли шесть месяцев - с конца октября 1944 года до апреля 1945 года.

Находящаяся в самом центре Европы Венгрия очень своеобразная страна. Очень труден ни на что не похожий язык венгров, или мадяров, как они сами себя называют. Конечно, мы быстро усвоили, что в отличие от румынской «цуйки», водка по-мадярски называется «палинка». Но дальше этого дело не пошло. Одни наименования венгерских городов и сел чего стоят: Секешфехервар, Кишкунлацхаза, Кунсентмиклош - язык сломаешь.

В одном из первых боев на территории Венгрии нелепо погиб наш комбат старший лейтенант Данилочкин. Шел бой в районе города Ньиредьхаза. Когда вечером стрельба почти прекратилась, он пришел в нашу землянку и попросил полковых связистов соединить его с командиром или начальником штаба полка. Их не оказалось на месте, и комбат ушел, сказав, что скоро придет, так как ему обязательно надо дозвониться. Из штаба полка сообщили, что пришел начальник штаба, и я решил позвать комбата. Вышел я из землянки и увидел, что он лежит мертвый у входа. Какая-то шальная пуля угодила ему прямо в грудь.

После гибели Данилочкина остатки нашего 1-го батальона, понесшего большие потери, передали в 3-й батальон, которым командовал майор Яковлев - отличный командир, спокойный, уравновешенный, он очень чутко улавливал быстро меняющуюся в ходе каждого боя обстановку, четко отдавал приказы, никогда не терялся ни при каких обстоятельствах. С таким комбатом мы все чувствовали себя уверенно и спокойно. В 1993 году ветераны полка и дивизии поздравили проживающего в городе Курске подполковника в отставке Яковлева Григория Алексеевича с его восьмидесятилетием.

Очередные упорные многодневные бои развернулись на северо-востоке Венгрии в районе города Мишкольц и его пригороде Дьош-Дьор. Здесь был такой любопытный эпизод: вместе с КП нашего батальона расположился командный пункт командира батальона румын - майора Румынской армии, хорошо говорившего по-русски. Предстоял штурм бумажной фабрики, на которой засели немцы. Румынский майор жаловался нашему комбату: «Как я буду воевать, если у меня в батальоне осталось всего шестьсот человек?» Майор Яковлев

только усмехнулся - у нас в батальоне к этому времени и двухсот не набиралось.

В Дьош-Дьоре закончилась моя карьера связиста. Неожиданно меня перевели помощником к старшему писарю батальона Шовкоплясу. Оказалось, что накануне погиб в бою писарь Парицкий.

Не следует думать, что у писаря батальона или роты чисто канцелярские обязанности. Писанины, правда, было порядочно. Но нам почти ежедневно приходилось бывать в ротках, вести строгий учет личного состава, проверять списки раненых, убитых и, особенно тщательно, списки, так называемых, пропавших без вести. Ведь семьи пропавших без вести не получали никаких льгот и пособий. И бывали случаи, когда записанные в ротные списки как пропавшие без вести при проверке оказывались здравствующими в санроте полка или в медсанбате дивизии. А нередко доводилось занимать место в боевых порядках, особенно когда в батальоне не хватало бойцов.

Новая должность позволяла и требовала поближе познакомиться с личным составом батальона. В нашем 3-м батальоне среди рядовых солдат было немало интереснейших людей.

Тот же погибший Парицкий был ответственным работником одного из наркоматов Украины.

Связь с минометной ротой всегда обеспечивал пожилой телефонист рядовой Парасунько - ученый-филолог, доцент Киевского университета. Высокообразованный, культурнейший человек, он был настоящим интеллигентом. Не терпел никакой похабщины, мог часами очень интересно рассказывать об особенностях русского, украинского, английского и других языков.

Мой, как теперь говорят, «шеф» - старший писарь батальона Василий Степанович Шовкопляс - умница, мудрейший человек, с которым мы очень подружились, был юристом, членом Запорожской городской коллегии адвокатов. И все они ходили в рядовых солдатах не только потому, что не были военными специалистами, а, главным образом, потому, что проживали на оккупированной территории. Это была не их вина, а их беда, так как к таким людям, а их было великое множество, даже на фронте

относились почему-то настороженно, с каким-то непонятным недоверием. Трудно представить себе что-нибудь более нелепое.

Еще пример: как-то к нам в батальон прибыло пополнение из бывших моряков Черноморского флота, попавших в 1941-1942 годах в плен. Это были отличные солдаты. Испытав унижение и ужас фашистского плена, они в боях вели себя мужественно, дрались храбро, даже отчаянно. Но я не помню, чтобы кто-нибудь из них был представлен к награде, только уже после войны, на обратном марше, немногие уцелевшие были награждены медалями «За отвагу». Вины командования батальона в таких неприглядных фактах нет, видимо, это была установка «сверху».

А офицеры в батальоне были замечательные. Моим и Шовкопляса непосредственным начальником был начальник штаба старший лейтенант Феклин Михаил Иванович. Мы любили этого немного бесшабашного, никогда не унывавшего, очень толкового и знающего свое дело офицера.

Делил все тяготы фронтовой жизни с солдатами командир взвода связи лейтенант Старобинский.

Отличался в боях молоденький командир пулеметной роты лейтенант Хлынин. Ныне подполковник в отставке Александр Михайлович Хлынин - председатель совета ветеранов нашей 202-й стрелковой дивизии, проживает в городе Павловский Посад Московской области. Только благодаря его энергии и инициативе почти ежегодно проходят встречи ветеранов дивизии.

Отличался бесстрашием любимец солдат заместитель командира батальона старший лейтенант Носач. Высокого роста, в длинной кавалерийской шинели, с неизменной каской на голове и автоматом через плечо, он спокойно шагал по передовой и всегда появлялся в самых опасных местах. Молдавский учитель, он был кумиром большой группы прибывших в батальон молодых молдаван, плохо понимавших русский язык. Они с радостью выполняли указания и советы Носача, готовы были идти за ним, что называется, в огонь и воду.

Кстати, в батальоне и полку был полный интернационал. Большинство офицеров и солдат, в том числе Яковлев,

Феклин, Хлынин, Чернов, подлинный герой командир разведчиков - старшина с «говорящей» фамилией Бессмертный, были русскими; писарь Шовкопьяс, связисты Парасулько, Коляда, Собко и многие другие - украинцы; командир взвода связи Старобинский, погибший командир роты Таганский, солдат Гуревич, тяжело раненый командир пулеметной роты 1-го батальона Бунгер - еврей; командир минометной роты капитан Зиберов - татарин; командир пулеметного взвода лейтенант Юлтыев - башкир; разведчик сержант Сулейманов - азербайджанец; Носач и большая группа солдат - молдаване и так далее. Среди солдат были грузины, узбеки, лезгины, кумыки и даже представитель далекого северного народа - манси. И жили, и воевали все дружно и сплоченно, и не было никаких различий по национальному признаку.

В ноябре 1944 года наш 645-й стрелковый Рымникский Краснознаменный полк был награжден орденом Богдана Хмельницкого.

2 декабря мы вступили в крупный промышленный центр на севере Венгрии - город Мишкольц. Здесь, в будничной обстановке, в домике, где мы с Шовкопьясом расположились вместе с батальонными и полковыми связистами, майор Яковлев вручил мне орден Славы 3-й степени и тепло поздравил с воинской наградой. Мы, конечно, надлежащим образом «обмыли» эту награду, благо «палинки» (водки) и вина в Венгрии было предостаточно. Мне хотелось узнать, за что именно, за какой конкретно бой меня наградили, так как формулировка приказа по дивизии «за мужество, проявленное в боях с немецко-фашистскими захватчиками» мало о чем говорила. Но это оказалось невозможным, так как представления на награды связистам оформлялись не в батальоне, а начальником связи полка. Только через 46 лет, в 1990 году, в книге «Четыре границы», написанной московским писателем Юрием Стрехниным - бывшим помощником начальника штаба нашего 645-го полка, вышедшей в 1989 году в издательстве «Советская Россия», я прочитал о том, как начальник связи полка капитан Голенок рассказывал автору книги: «Есть у меня такая пара: неразлучные телефонисты Левин да

Мишарин. Связь из батальона с ротами держали. Немец тогда, помнишь, в первом бою за Дьош-Дьор сильно по нам артиллерией бил. Провода осколками секло. Сколько эти двое попеременно под огнем бегали, связь восстанавливали! Побежал Левин в очередной раз - а провода целый кусок вырвало - не стянешь концы, Левин в руках зажал, ток через него идет. Так и лежал под разрывами, пока Мишарин с куском провода не подоспел. Герои.»

Оказалось, что за этим боем с КП батальона наблюдал командир полка подполковник Берестов и лично приказал предоставить к награде отличившихся связистов.

Прошу прощения за эту цитату из книги, я привел ее совсем не для того, чтобы похвастаться. При чтении этой страницы у меня возникло чувство какой-то досады. Ведь сколько было таких боев, ничуть не менее напряженных и опасных, когда за нашими действиями высокое начальство не наблюдало! И прошу поверить, что если бы нас при этом каждый раз должным образом отмечали, у меня и моих боевых друзей-связистов орденов было бы не меньше, чем у прославленных полководцев. Хочу сказать, что мужество, а часто героические действия рядовых солдат, отмечались далеко не всегда. Не слишком щедро награждали и офицеров рот и батальонов. Между тем, как я вскоре мог убедиться, на награды работникам штаба дивизии и более высоких штабов не скупились.

Дальнейший путь дивизии пролегал на запад. В конце декабря мы были уже в Чехословакии, в районе города Лученец. Трагичный эпизод произошел в новогоднюю ночь около села Бескупице. Только мы со связистами закончили оборудование землянки и приготовились отметить наступление Нового 1945 года, как раздалась неистовая пальба. Мы выскочили из землянки. Оказалось, что какая-то группа немцев, возможно разведчики, ворвалась в расположение КП батальона.

Комбат Яковлев быстро мобилизовал всех штабистов, организовал оборону. Мы открыли огонь из автоматов, винтовок, двух ручных пулеметов и очень скоро отогнали фашистов, но когда мы с Шовкоплясом и связистами возвратились в свою землянку, то увидели страшную картину: на земляном полу лежал связанный телефонным проводом и

заколотый фашистами полковой связист Нехта. Было до боли жалко этого безотказного и добродушного простого колхозника из Белоруссии, с которым мы вместе шагали по всей Румынии и Венгрии и вместе, как говорится, не один котелок каши съели.

В самом конце января, кажется 29-го, мы сдали свой боевой участок соседям, всю дивизию посадили на машины, и огромные колонны направились снова в Венгрию - в город Кишкунлацхаза, что в тридцати километрах южнее Будапешта.

Весь февраль 1945 года, пока шли ожесточенные бои за Будапешт, мы находились во втором эшелоне, пополнялись, приводили себя в порядок. Как-то в конце февраля старший лейтенант Феклин приказал мне отправиться в распоряжение строевого отдела штаба дивизии. Так сформировали группу около двадцати человек - и отправили в Будапешт, где мы должны были пройти комиссию и следовать в глубокий тыл, куда-то на Урал, в танковое училище. Согласия, разумеется, ни у кого не спрашивали.

В Будапешт пошли пешком. Почти половина из нас, десять человек, не прошли эту очень строгую медицинскую комиссию. Прежде чем возвратиться назад, мы решили побродить по городу. Будапешт очень красивый город. Правобережная его часть - Пешт - своими прямыми улицами и красивыми домами напоминает Ленинград. Очень красиво здание Парламента на берегу Дуная. Все великолепные мосты через Дунай были взорваны, и на левый берег, в Буду, мы не попали.

По возвращении в дивизию, которую мы еще застали в Кишкунлацхазе, нас в свои части не отпустили, а направили в роту охраны штаба дивизии. Так наступил очередной новый этап моей фронтовой службы.

Штаб дивизии обычно занимал часть или целую улицу в небольших городах или поселках. С обеих сторон улицы устанавливались шлагбаумы, у которых мы круглосуточно несли караульную службу. Охраняли мы и другие объекты штаба. Доводилось сопровождать командира дивизии полковника Хохлова на наблюдательный пункт, где он проводил большую часть своего времени, а также во время его посещений полков, куда он обычно ходил пешком.

Стрелковая дивизия - огромное хозяйство: три стрелковых полка, артиллерийский полк, истребительный противотанковый дивизион, рота связи, саперная рота, разведрота, большая служба тыла, медсанбат, даже своя хлебопекарня. Управление этой армадой, особенно во время боя, требовало не только знаний, умения, но и большой выдержки, и стоило огромного нервного напряжения.

Наблюдая нашего комдива, я невольно вспоминал слова героя замечательной повести Михаила Шолохова «Они сражались за Родину» Лопухина о том, что если бы его заставили принять командование дивизией - он бы поднялся на Кремлевскую стену и оттуда сиганул в Москва-реку. (Эта повесть печаталась в газете «Правда» летом 1943 года, и я ее читал вслух трактористам своей бригады). В конце войны полковник Хохлов Иван Михайлович стал генерал-майором. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза,

Реже приходилось видеть командующего артиллерией дивизии полковника Дахновского. Герой Советского Союза полковник Федор Тарасович Дахновский прошел с дивизией весь ее героический путь с первого до последнего дня войны, с Северо-Западного фронта до Австрии. Он длительное время был почетным председателем Совета ветеранов дивизии, умер в Виннице три года назад.

Из командования дивизии чаще всего приходилось, естественно, видеть начальника штаба подполковника Юницкого, очень импульсивного и вспыльчивого человека. Судьба его была трагичной: во время боев у озера Балатон он ночью ехал на своей трофейной машине и не заметил, что мост через оросительный канал был взорван, и машина свалилась в канал. Утром машину из канала вытащили, но было уже поздно.

В начале марта закончилась, наверно, самая продолжительная для всей дивизии передышка за все годы войны. Вечером 7 марта вся дивизия, уже в составе 3-го Украинского фронта, снялась с места, совершила ночью почти 40-километровый марш на юг к городу Шольт, переправилась через Дунай и заняла оборону восточнее

озера Балатон, у памятных для ветеранов дивизии населенных пунктов Шиманторния и Цеце. И вовремя, так как в тот же день, 8 марта, части дивизии были атакованы танками противника.

Началось известное сражение у озера Балатон, где немцы сконцентрировали мощную группировку из одиннадцати танковых дивизий и стремились прорвать фронт, опрокинуть наши войска в Дунай и перейти в общее контрнаступление. Мы окопались у наблюдательного пункта командира дивизии в непосредственной близости от передовых позиций. Для солдат пехоты бои с танками - самые трудные и страшные. Во время танковых атак, которые следовали одна за другой, из головы вылетали все полученные наставления и уроки. Недаром Твардовский писал:

Что ж, в газете лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб,
Танк - он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

То-то слеп, лежишь в окопе,
А на сердце маета:
Вдруг как сослепу задавит,
Ведь не видит ни черта.

Психологически очень трудно выдержать, когда прямо на тебя мчится стальная машина, да еще стреляет из пушки и пулеметов. Поневоле вспомнишь и гитлеровскую бабушку, и всех святых.

Целую неделю продолжались ожесточенные бои с танковыми армадами врага. Но на дворе стоял не 1941-й, а 1945-й год. Нас активно поддерживала авиация, волна за волной налетали наши штурмовики, бомбили и расстреливали фашистские танки. Вели прицельный огонь наши самоходки, раздавались мощные взрывы снарядов нашей тяжелой артиллерии. И хотя наши потери были большими и отдельным танкам удалось прорваться на позиции батарей артиллерийского полка дивизии, все атаки были отбиты. На поле боя осталось множество подбитых,

сгоревших и искореженных фашистских танков и самоходок.

А 19 марта мы сами перешли в наступление, совершили многокилометровый марш, обогнули с севера озеро Балатон и устремились вдоль его западного берега далее на запад. Большое и полноводное озеро Балатон - настоящий дорогой подарок природы для сухопутной Венгрии. Вдоль его берегов расположилось множество пансионатов, красивых вилл и дач местной знати. И вот эти благодатные места стали ареной жестоких боев.

Дальнейшее наступление развивалось стремительно. 30 марта мы вошли в приграничный город и вступили на территорию Австрии. Это было уже четвертое европейское государство, на территории которого довелось побывать в годы войны. И снова - очередное изменение в моей фронтовой жизни: вся наша рота в полном составе была в Сентготарде отправлена в 645-й полк, в мой родной 3-й стрелковый батальон. Радостной была встреча с Шовкоплясом, помощником которого я снова стал, со старшим лейтенантом Феклиным, с друзьями-связистами.

Отроги Альп в восточной Австрии - очень живописные и красивые места. Нарядными выглядели небольшие городки и деревни с чистыми ухоженными улицами и благоустроенными домами, нигде не видно было никаких разрушений, как будто войны не было вовсе. По горам и пригоркам были разбросаны усадьбы фермеров.

Здесь мы столкнулись с новым для нас явлением. В первые же дни, при подходе к одной из ферм, мы увидели на пороге дома группу женщин. Мы пытались обратиться к ним по-немецки, несмотря на наш скудный запас немецких слов. Вдруг одна из них как закричит по-украински: «Хлопчики, родненьки наши, та мы ж с Украины, с Полтавщины», и все они заплакали и бросились нас обнимать. Оказалось, что почти на каждой ферме батрачили наши женщины, угнанные из России, Украины, Белоруссии: мужчины же работали на рудниках, шахтах, оборонных заводах.

Как-то на одной из ферм, увидев, в каких скотских условиях содержали хозяева наших людей, которые зимой и летом жили в коровнике, мы тут же реквизируем у

хозяина пару упитанных лошадей, запрягли их в добротную повозку, навалили на нее всякой хозяйской одежды, разного скарба, продуктов и отправили женщин на восток - домой. Вряд ли, конечно, они на этой повозке доехали до Украины, но что было - то было.

Вообще к концу войны дороги Австрии были запружены толпами освобожденных из плена и неволи. Шли английские и американские летчики, французские и бельгийские солдаты, шли домой поляки, чехи, словаки, но больше всего было наших, советских людей. Наши сердца были преисполнены гордостью: мы наглядно убедились в правоте нашего дела, в нашей великой освободительной миссии, в том, что именно МЫ своим тяжелым ратным трудом принесли освобождение народам своей великой Родины, освободили от фашистской чумы народы всей Европы.

В апреле 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР наша дивизия была награждена орденом Суворова 2-степени, а наш 645-й полк - орденом Суворова 3-й степени. Отныне мы именовались так: 645-й стрелковый Рымникский Краснознаменный орденов Суворова и Богдана Хмельницкого полк 202-й стрелковой Корсуньской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии. Почетные наименования, и мы ими, сказать по правде, гордились и гордимся сейчас.

За успешные боевые действия и освобождение городов Украины, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Австрии дивизия шестнадцать раз отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего. Благодарности эти тогда высоко ценились, думаю, что они не утратили своей значимости и теперь. Я, как ценную реликвию, храню Грамоту с перечислением всех благодарностей Верховного.

8 мая мы вступили в крупный австрийский город Грац, а 3 мая мы узнали о подписании в Берлине акта о капитуляции германской армии. Трудно описать то ликование, которое началось в войсках, когда с быстротой молнии распространилась весть об окончании войны! Все выскочили на улицу, солдаты и офицеры радостно поздравляли друг друга, обнимались, целовались, многие

не скрывали слез радости. Началась и долго продолжалась оглушительная стрельба. Стреляли из всех видов оружия, кто из чего мог, - из винтовок, автоматов, пистолетов, даже из пулеметов и минометов. Самая жестокая и кровопролитная в истории человечества война закончилась. Мы были счастливы, мы свято верили в то, что отныне мир, счастье и всеобщее благоденствие навечно восторжествуют на земле. Увы, увy и тысячу раз – увy!

Не буду описывать обратный путь домой, который мы совершили пешком, походным порядком, снова через всю Венгрию и Румынию. Шли не спеша, все лето 1945 года, по пятнадцать-двадцать километров в день, с большими остановками. В населенные пункты вступали торжественно, под музыку полкового оркестра. Наконец, пройдя одну тысячу семьсот пятьдесят километров, мы 19 августа прибыли и обосновались в большом украинском селе, название которого я забыл, недалеко от города Тульчин.

Изменчивая ко мне солдатская судьба не обошла меня и на этот раз: на марше в Венгрии я получил приказ сдать свои нехитрые дела и отправиться в штаб полка. Так я стал писарем строевой части штаба полка. Моей обязанностью было составление и доставка в штаб дивизии строевых записок и ведение книги приказов по полку.

Вскоре был получен приказ о расформировании нашей дивизии. Было горько и обидно, хотя все отлично понимали, что большое сокращение армии необходимо и неизбежно. Приказ о расформировании моего 645-го стрелкового полка написан моей рукой, и, признаться, я плакал, когда писал его. Распростившись с товарищами, я 9 сентября отправился к новому месту службы - в 138-й отдельный гвардейский батальон связи, который располагался в городе Тульчин, в старинных Суворовских казармах. Батальон обеспечивал связь штаба корпуса со штабами дивизий и другими частями. Солидная структура батальона произвела на меня, бывшего связиста, должное впечатление: две кабельно-шестовые роты, телеграфно-кабельная рота, радиорота - это не взвод связи батальона!

Целый год прослужил я в этом батальоне, который весной 1946 года так же, как и штаб корпуса,

передислоцировался в красивый благоустроенный город Черновцы - областной центр северной Буковины, которая до войны входила в состав Румынии. Нас поразило, что по городу бегали троллейбусы, город совершенно не пострадал.

Но и батальон связи оказался не последним местом моей военной службы. В декабре 1946 года меня вызвал начальник штаба батальона майор Шойхет и объявил, что меня переводят в штаб 35-го гвардейского стрелкового корпуса, куда мне и надлежит немедленно отправиться. Я так никогда и не узнал, по какому принципу производились мои многократные и самые неожиданные перемещения и кто был их инициатором. Может быть, играло роль то обстоятельство, что в графе «образование» было записано: «окончил три курса Ленинградского политехнического института», но об этом можно только догадываться.

Штаб корпуса располагался в большом трехэтажном здании в самом центре города. Начальник отдела кадров штаба подполковник Поклонский объявил, что я назначен заведующим делопроизводством оперативного отдела, и что мне присвоено звание «гвардии старший сержант». Откровенно говоря, первые дни я чувствовал себя очень неуверенно. Ведь раньше для меня начальник штаба батальона был недостижимым начальством, а здесь четыре генерала, все начальники отделов - полковники, самый младший офицер был капитаном. Освоился я довольно скоро, тем более что, как оказалось, высокие военачальники были обычными людьми, часто более доступными и внимательными, чем многие, гораздо более низшие чины.

Командиром корпуса был гвардии генерал-лейтенант Горячев Сергей Георгиевич - кадровый военный, прошедший всю войну, от первого до последнего дня. Командовал вначале стрелковой дивизией. В конце 1942 года был назначен командиром только что сформированного стрелкового корпуса и прошел с ним героический боевой путь от Сталинграда до Австрии. Войска 35-го гвардейского стрелкового корпуса отличились во многих сражениях Отечественной войны,

корпусу двадцать раз объявлялись благодарности в приказах Верховного Главнокомандующего.

Заслуживающими всяческого уважения полководцами, также прошедшими всю войну, «от звонка до звонка», были начальник штаба корпуса гвардии генерал-майор Шафаренко П. М., заместитель командира корпуса гвардии генерал-майор Колчук А.С., командующий артиллерией гвардии генерал-майор артиллерии Битюцкий А.С. Все отделы штаба были укомплектованы опытными боевыми офицерами.

Оперативный отдел, начальником которого был гвардии полковник Войтенко, ведал боевой и тактической подготовкой войск, планированием боевых операций.

Здесь я впервые по-настоящему понял, каким сложным является военное дело, какая серьезная и непростая это наука - управление войсками. Я увидел и узнал, как тщательно взвешиваются все обстоятельства - разведанные, соотношение сил, обеспеченность войск всем необходимым, рельеф местности и множество других факторов, прежде чем принимались ответственные решения и отдавались боевые приказы. Наступило мирное время, но штаб жил напряженной жизнью, часто проводились командно-штабные учения на разные темы, иногда с выездом на местность. Много делалось для совершенствования боевой подготовки дивизий и частей корпуса. Именно здесь я стал с большим уважением относиться к людям, избравшим своей профессией защиту отечества.

Как ценную реликвию храню грамоты с перечислением всех благодарностей Верховного Главнокомандующего т. Сталина. Сверхсрочную службу я закончил 29 августа 1949 года в г. Черновцы.

В 1951 г. приехал в пос. Водный, куда после окончания института была направлена моя жена Иванова Наталья Александровна. Работал инженером по технике безопасности, инженером-механиком, с 1960 по 1990 год – начальником, экономистом, инженером отдела сбыта завода «Прогресс».

Горжусь, что мой труд оценен коллективом завода. Я награжден знаком «Ударник 9-ой пятилетки», почетной грамотой Коми обкома КПСС за заслуги в хозяйственном и

культурном строительстве республики и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся (в ряды КПСС я вступил в 1945 году), юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и другими знаками поощрения. Ветеран труда. У меня сын и дочь, трое внуков.

Считаю необходимым сказать несколько слов в заключении.

Да, мы свято верили, что после победы над фашизмом наступит счастливая жизнь для всех, всеобщее благоденствие.

Мы защищали свободу и независимость не каждой из республик в отдельности, а всех их вместе – единого и могучего Советского Союза. И мы, ветераны Великой Отечественной войны, должны со всей определенностью заявить, что Беловежский сговор, приведший к распаду великой державы, совершенный, без ведома народов, кучкой авантюристов для утверждения личной власти, является величайшим в истории человечества преступлением, которому нет оправдания.

Мы, старые воины, прошедшие через огонь и ужасы войны, многократно смотревшие в глаза смерти, - по натуре своей оптимисты. Мы верим, что трудовой народ разберется, наконец, что к чему, и настанут лучшие времена. Мы хотим быть уверенными, что наши дети и внуки снова смогут уверенно смотреть в будущее, что перед ними снова будут открыты все дороги, что они будут стремиться к знаниям, свету, овладевать мастерством и ценить труд.

Нас уже осталось немного, и большинство из нас одолевают недуги, заработанные, в основном, на полях сражений. Но оставшиеся силы и энергию мы должны посвятить тому, чтобы нести людям, нашей молодежи правду, добиваться того, чтобы кумирами молодежи стали Зоя Космодемьянская и Олег Кошевой, Фрунзе и Чапаев, Павка Корчагин и Александр Матросов, летчик Алексей Маресьев и разведчик Николай Кузнецов, Валерий Чкалов и Михаил Громов, челюскинцы и папанинцы, покорители космоса.

Заканчиваю призывом замечательного патриота, погибшего в фашистских застенках, чека Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас, будьте бдительны!»

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета.

Латюк Полина Валерьевна

и

Телегина Яна Николаевна